

Японские исследования. 2019. №3. С. 49–61.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 49–61.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020

Локальные предания о Минамото-но Ёритомо в системе японской фольклорной прозы

А.Р. Садокова

Аннотация. Статья посвящена изучению фольклорного цикла, повествующего о жизни Минамото-но Ёритомо на полуострове Идзу. Отмечается, что в повествовательном фольклоре Японии особое место занимают народные предания, которые вместе с другим жанром – легендами – принято обозначать единым термином *дэнсэцу*. Произведения этого жанра уделяли большое внимание историческим событиям и судьбам реальных исторических лиц как общенационального, так и локального масштаба. Это способствовало появлению большого числа народных повествований, связанных с героями, культурными достижениями и природными объектами небольшой по размеру территории, то есть «своей» деревни или «своего» района. Один из таких районов – полуостров Идзу, где долгие годы, еще будучи юношей, находился в ссылке будущий правитель средневековой Японии, выдающийся политический и военный деятель Минамото-но Ёритомо (1147–1199).

Локальные предания полуострова Идзу имеют особую ценность. Выбранный для анализа цикл текстов уникален – это единственный фольклорный цикл о Минамото-но Ёритомо, бытовавший в японской народной повествовательной традиции. Кроме того, предания Идзу дают возможность посмотреть на истинное восприятие этого героя в народной среде и сравнить представления о Ёритомо в фольклоре и в истории Японии.

Очевидным и несколько искусственным видится «наложение» образа Ёритомо на локальные топонимические предания, которые приобрели исторический аспект. Это добавило им «достоверности», а рассказ о необычном событии или происшествии оказался связанным с реальными топонимами Идзу и далее – с деяниями Ёритомо, которому приписывалось создание многих природных объектов: камней, скал, источников. Эти объекты получали «личные имена», исходя из тех действий, которые совершал Ёритомо, и стали своеобразной «фольклорной историей» его жизни на Идзу. Некоторые предания повествовали о роли Ёритомо в приобретении природными объектами необычных свойств и качеств. Так, фольклорный цикл полуострова Идзу создал отличный от исторического образ Ёритомо. В фольклоре Идзу Ёритомо приобрёл ярко выраженные черты мифологического культурного героя-созидателя. А в ряде случаев даже обожествлялся.

Ключевые слова: народные предания, полуостров Идзу, Минамото-но Ёритомо, личные имена камней и источников.

Автор: Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова. ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

Local legends about Minamoto-no Yoritomo in the system of Japanese folk tales

A.R. Sadokova

Abstract. The article is devoted to the folklore cycle about the life of Minamoto-no Yoritomo from the Izu Peninsula. It is worth noting that folk legends hold a special place in Japan's narrative folklore, and alongside another genre – legends – are traditionally denoted by a single term *densetsu*. The works of this genre devote much attention to historical events and real historical figures of both national and local scale. This led to the appearance of a large number of popular narratives associated with heroes, cultural achievements, and natural objects of a small territory, i.e. “native” village or “native” area. One of these areas was the Izu Peninsula, where Minamoto-no Yoritomo (1147–1199), the future ruler of medieval Japan, an outstanding political and military leader, lived in exile for many years in his young age.

Local legends of the Izu Peninsula have particular importance. The cycle of texts selected for analysis is unique, as it is the only folk cycle about Minamoto-no Yoritomo that exists in the Japanese narrative tradition. In addition, the legends of Izu give the opportunity to realize the true perception of this hero among the people, and to compare the ideas and notions of Yoritomo in Japanese history and folklore.

“Imposing” the image of Yoritomo on local toponymic legends, which have acquired a historical dimension, seems obvious and to some degree artificial. This contributed to their “authenticity”, as a story about an unusual event or incident turned out to be associated with the real toponyms of Izu, and later with the deeds of Yoritomo, who was believed to have created many natural objects, such as stones, rocks, and springs. These objects received “individual names” according to Yoritomo's deeds, and became a kind of “folk history” about his life on Izu. Some legends tell about Yoritomo being involved in giving certain unusual features and qualities to natural objects. Thus, the folk cycle of the Izu Peninsula has created an image of Yoritomo that is distinct from his historical image. In the folklore of Izu, Yoritomo acquired pronounced features of a mythological cultural hero and creator. In some cases, he was even deified.

Keywords: folk legends, the Izu Peninsula, Minamoto-no Yoritomo, individual names of stones and springs.

Author: Sadokova Anastasiya R., Doctor of Sciences (Philology), professor, Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

В богатом повествовательном фольклоре Японии особое место занимают народные предания, которые вместе с другим жанром – легендами – принято обозначать единым термином *дэнсэцу*. По сути речь идёт о произведениях несказочной прозы, к которой в мировой фольклористике относятся жанры, имеющие ярко выраженную «установку на достоверность», то есть всеми возможными способами (упоминание реальных географических названий, исторических лиц, указание существующего природного объекта) пытающиеся убедить слушателя в правдивости повествования. К таким жанрам относятся легенды (рассказы о религиозном чуде), предания (повествования о местной истории и героях, о событиях локальной важности), а также былички и бывальщины (истории о встрече с демонологическими персонажами).

В японской традиции классификация *дэнсэцу* имеет свои особенности. В основе её лежит принцип определения «места действия» или выбор персонажа, вокруг которого

формируется фольклорный цикл. Именно поэтому *дэнсэцу* – это повествования о великанах, о синтоистских и буддийских божествах, о великих монахах и святых. А также тексты о храмах и сокровищах, о воде (реках, прудах, непроточных водах), о камнях (в том числе об утёсах и скалах), о горах (о непроходимых лесах), о горячих источниках. Все группы *дэнсэцу* представлены в японской народной традиции огромным корпусом текстов, однако в зависимости от района Японии те или иные группы народных повествований являются определяющими. При этом можно констатировать, что самыми распространёнными можно считать топонимические предания, а также предания, связанные с жизнью реальных исторических лиц как локального, так и общенационального масштаба.

Вообще следует сказать, что к историческим событиям и судьбам реальных исторических лиц японский повествовательный фольклор истари испытывал особый интерес. Вероятно, это было связано с такой отличительной чертой японского фольклора как территориальная локализация. Будучи горной страной, Япония всегда была трудна для передвижения, и нередко «жизнь за горой» представлялась недостижимой и нереальной. Это способствовало повышению внимания фольклора к локальным событиям и людям, проживающим в пределах досягаемости, и как следствие – к появлению большого числа легенд и преданий, связанных с героями, культурными достижениями и природными объектами небольшой по размеру территории, то есть «своей» деревни или «своего» района.

Таких «своих районов» по всей территории современной Японии можно насчитать огромное количество, но есть среди них такие, которые в силу своего географического положения всегда оказывались в центре исторических событий, и потому с ними связан чрезвычайно обширный корпус фольклорных текстов самого разного содержания.

Одним из таких районов можно без преувеличения назвать полуостров Идзу. Это живописный полуостров, который находится недалеко от современного Токио и воспринимается сегодня японцами как курортное место. Там много небольших морских бухт и необыкновенно красивая горная природа.

Однако таким восприятие полуострова Идзу было далеко не всегда. Ведь, как известно, на протяжении многих веков Идзу был местом ссылки. Именно благодаря горному рельефу, крутым перевалам, ветрам, дующим со всех сторон, полуостров считался идеальным местом для содержания преступников – оттуда ссыльные практически не могли выбраться. Для многих из сосланных в эти места жизнь делилась на «до» и «после», и они возвращались с Идзу больными и потерявшими интерес к жизни людьми. Японская культура и литература знают тому немало примеров. Однако такое случалось не со всеми. Когда-то одним из самых знаменитых «пленников» полуострова Идзу, ещё будучи юношей, был будущий правитель средневековой Японии, выдающийся политический и военный деятель Минамото-но Ёритомо (1147–1199).

Как известно, его жизнь и карьера пришлись на один из самых беспокойных периодов в истории Японии – время борьбы за власть двух могущественных феодальных родов – Минамото и Тайра. Борьба длилась несколько десятилетий, в неё было вовлечено огромное количество людей, а события, которые её сопровождали, были полны истинного трагизма. Один из этапов этой борьбы получил позднее название «смута годов Хэйдзи» (1159) и нашёл своё историко-литературное воплощение в средневековом памятнике примерно XIII в. «Хэйдзи-моногатари» (в русском переводе «Повесть о смуте годов Хэйдзи») [Повесть о смуте, 2011].

Позволим себе напомнить, что главным результатом мятежа Хэйдзи стало дальнейшее возвышение рода Тайра и практически полное истребление рода Минамото, в том числе и главы рода Минамото-но Ёситомо. Тот активно участвовал в сражениях против Тайра, был разгромлен, бежал, а позднее был убит своими же вассалами. При этом глава рода Тайра – Тайра-но Киёмори – пощадил-таки нескольких детей своего главного противника. За старшего из них – Ёритомо, которому на момент мятежа было 12–13 лет, заступилась мачеха самого Киёмори.

Этот эпизод, на много веков вперёд определивший весь ход истории Японии, так описывается в «Хэйдзи-моногатари»: «Киёмори, а он сомневался, надо ли казнить детей Ёситомо, все увещевали: “Что же это вы так мягкосердечны! Ведь если оставить этих троих детей – что они учинят в будущем! Пожалейте же своих потомков!” – но Киёмори говорил:

– Все так думают. Но если мы оставим в живых почти уже взрослого Ёритомо, за которого хлопочет госпожа Икэ-доно, – не глупо ли будет казнить троих младших. Что ни говори, а исход дела зависит от того, будет жить или умрёт Ёритомо!» (пер. В. Онищенко) [Повесть о смуте, 2011, с. 179].

Понятно, что в 1159 г. перед юным Ёритомо не стояло важнее задачи, чем просто выжить. Потому он был счастлив, что «смертную казнь ему отменили, заменив ссылкой. .. Местом ссылки определили край Идзу, что в Восточных землях» [Повесть о смуте, 2011, с. 179]. Вот как описывается его радость в «Хэйдзи-моногатари»: «Едущие в ссылку обычно стенают, но Ёритомо ликовал в душе. “Не случайно, – думал он, – я, осуждённый на казнь, отделался лишь ссылкой”. Но всё же печалила его разлука со столицей. То здесь, то там он придерживал коня и оборачивался взглянуть на места, что они покидали» (пер. В. Онищенко) [Повесть о смуте, 2011, с. 188]. В изгнании Ёритомо провёл почти 20 лет.

Здесь следует сразу вспомнить, что те, кто предостерегал Киёмори, который то ли из жалости, то ли от ощущения своего полного превосходства, пощадил детей врага, оказались правы. Младший сын его недруга – Ёсицунэ – спустя годы полностью разгромил сыновей и внуков Киёмори, а старший – Ёритомо – со временем получил полную власть в стране, и в отличие от Киёмори, не пощадил никого – ни детей, ни взрослых, – кто бы мог решиться вернуть власть и силу роду Тайра. Наследственная ветвь рода Тайра прекратила своё существование. А Ёритомо перенёс столицу в г. Камакура и сформировал новую форму правления – сёгунат, просуществовавшую в Японии много веков, вплоть до 1868 г.

Однако все эти события произошли много позже, а пока Ёритомо ждала долгая ссылка на далёком полуострове. Однако уже во время своей ссылки юный Ёритомо начал внимательно следить за ходом продолжающейся в столице борьбы за власть и наконец спустя годы объявил, что выступает против рода Тайра. Он долго к этому готовился и постепенно даже заручился поддержкой многих влиятельных людей. Одни помогали ему за богатое вознаграждение в случае победы, другие – оттого, что сами пострадали от власти Тайра, но так или иначе Ёритомо собрал почти 200 тысяч сторонников и одержал несколько военных побед.

Минамото-но Ёритомо отличался особой жестокостью и вскоре после победы расправился не только с врагами, но и со многими своими соратниками: на совести Ёритомо была не только гибель малолетнего императора Антоку, но и смерть младшего брата по имени Ёсицунэ – бесстрашного воина и талантливого полководца.

Японский фольклор свидетельствует, что народные симпатии никогда не были на стороне Ёритомо. Из всех представителей рода Минамото только Ёсицунэ в наибольшей степени «удостоился» создания многочисленных народных преданий – героических и романтических. (Подробнее о фольклорном образе Ёсицунэ см. [Садокова, 2011, с. 118–120].) Образ же Ёритомо японский фольклор практически игнорировал. Хотя следует отметить, что в разных районах Японии местное краеведение до сих пор всегда с особой тщательностью собирает и сохраняет все исторические сведения о его пребывании в тех или иных местах, если они действительно или предположительно имели место [Сакао Широки, 2013; Сакаи Коити, 2016]. При этом местный фольклорный материал скуден и фрагментарен.

Именно поэтому локальные предания полуострова Идзу приобретают особую ценность, а их изучение представляется чрезвычайно важным для всестороннего понимания исторического и фольклорного образа Ёритомо. Впервые проводимое в рамках данной работы исследование народных преданий Идзу, связанных с образом Минамото-но Ёритомо, даёт возможность посмотреть на истинное восприятие этого героя в народной среде и сравнить представления о Ёритомо в фольклоре и в истории Японии. Тем более что выбранный для анализа цикл текстов уникален – это единственный фольклорный цикл о Минамото-но Ёритомо, бытовавший в японской народной повествовательной традиции.

При этом следует обратить внимание, что речь идёт не о зрелых годах жизни Ёритомо, а исключительно о времени его ссылки на Идзу, о том периоде, когда перед нами предстаёт не жестокий правитель Японии, а молодой знатный воин. Важно и то, что достоверно о пребывании Ёритомо на Идзу известны лишь общие факты и, естественно, нет поминутных записей его жизни, что дало фольклору возможность многое «дописать», «домыслить», изначально наполнить предания свойственными несказочной прозе «достоверными» событиями и деталями. Историческое и фольклорное тесно переплелось между собой. Не случайно даже в фольклорных статьях в крупных энциклопедических изданиях, посвящённых этому герою как персонажу фольклора, термины *дэнсэцу* (легенды, предания) и *рэкиси* (история) не только соседствуют, но и подаются читателям как взаимозаменяющие [Ооицу Юити, 2000, с. 912–913].

Вообще повествовательной фольклор Идзу отличается большим разнообразием и представляет собой внушительный корпус текстов, относящихся к сказочной и несказочной прозе, при этом произведения несказочной прозы явно преобладают. Однако нельзя сказать, что эти тексты представляют особый интерес для японских исследователей – только этим, наверное, можно объяснить столь небольшое количество изданий местного повествовательного фольклора [Тобаяма Кан, 1970; Идзу-но дэнсэцу, 2001], хотя отдельные тома, посвященные Идзу, можно обнаружить в крупных фольклорных сериях [Идзу-но минва, 2015].

А вместе с тем народная несказочная проза Идзу весьма оригинальна. Обращает на себя внимание бытование большого количества преданий с топонимическими концовками. Среди «действующих лиц» повествовательной прозы Идзу на первом месте стоит великий монах Кобо-дайси (Кукай), который, если верить народной традиции, много путешествовал в тех краях и оставил следы своего пребывания практически повсюду на полуострове, а главное – создал большинство из существующих на полуострове Идзу горячих источников-*онсэн*. Вторым же по значимости героем в фольклоре полуострова Идзу может считаться Минамото-но Ёритомо.

Один из исследователей фольклора этого края, составитель, пожалуй, самого полного сборника легенд и преданий полуострова, Ёсикава Юко, так охарактеризовала тематический круг повествовательных текстов, связанных с Ёритомо: «Большинство текстов в этом издании можно отнести к разделу “Герои”. Это 109 текстов. Далее следуют разделы “Храмы” – 58 текстов, “Камни, скалы, пещеры” – 49 текстов и “Горячие источники”, без которых нельзя представить себе Идзу, – это ещё 16 текстов. Так вот среди текстов во всех этих разделах пятьдесят повествуют о Минамото-но Ёритомо, который был сослан на Идзу. Полуостров Идзу – это земля, где живёт средневековая история. И можно сказать, что фольклор Идзу берёт своё начало от преданий о Ёритомо, начиная с того самого момента в его жизни, когда он оказался сосланным туда» [Ёсикава Юко, 2001, с. 9].

Однако здесь следует обратить внимание, что самый многочисленный раздел о Ёритомо, который Ёсикава Юко обозначила как «Герои», неоднороден по своему составу и включает повествования разного содержания, которые можно было бы охарактеризовать словами: «приверженность буддизму, смелость, мужество, решительность, смекалка». То есть к этому разделу отнесены предания, в которых Ёритомо с блеском проявил все вышеперечисленные качества. Свидетельством «приверженности буддизму» могут служить несколько одноэпизодных историй о создании благодаря Ёритомо буддийских храмов, поднятии из воды статуи Будды в месте, которого никто, кроме Ёритомо, определить не мог, дарение сутр и прочие [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 52, 55, 58].

При этом большинство героических преданий также содержит явно выраженную топонимическую составляющую, которая позволила бы отнести эти предания к разным более мелким группам, например, к преданиям о мостах, никогда в японской традиции не выделяемых в отдельную тематическую группу преданий. Так, например, смелость и смекалка Ёритомо, как истинного героя, проявилась в предании о появлении на Идзу моста под названием *Хэби-га баси* (букв. «Змеиный мост»). Рассказывают, что Минамото-но Ёритомо нередко посещал синтоистский храм Мисима-дзиндзя, где молился о своём скорейшем возвращении из ссылки. Однажды Ёритомо попал под сильный дождь и не мог перебраться через разлившуюся речку. Не желая замочить одежды, он схватил за хвост проползающую мимо длинную змею, раскрутил её и перекинул на другой берег так, что она, словно канат, зацепилась за растущее на берегу дерево. Тогда Ёритомо привязал хвост змеи к дереву на своём берегу и по змее, словно по мосту, перешёл на другой берег. После этого на том месте, где Минамото-но Ёритомо проложил «живой» мост, построили настоящий крепкий мост и назвали его *Хэби-га баси* [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 61].

К «героическим» относится и история о мосте *Комацумэ-баси*, в которой Ёритомо, как представляется, никак не проявил себя с героической стороны, однако народная молва полагала, что налицо факт «освящённости героическим присутствием». В этом топонимическом предании повествуется о том, что однажды Ёритомо отправился опять-таки поклониться богам в храм Мисима-дзиндзя. Однако, когда он переезжал через реку по безымянному мосту, конь вдруг встал и не желал двигаться вперёд. Он только бил копытом. На том месте образовалась выемка. Долгое время людям приходилось аккуратно её объезжать. Спустя время там построили новый мост и дали ему имя *Комацумэ-баси* (букв. «Мост лошадиного копыта») [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 53].

Таким образом, получается, что отнесение преданий о Ёритомо к разным разделам оказывается несколько условно, и важно опираться непосредственно на сюжет. При этом

можно констатировать следующее: в какой бы раздел, согласно принятой в японской фольклористике системе классификации, не были отнесены эти тексты, все они в большей или меньшей степени опираются на два факта: происхождение объекта природного или неприродного характера и деяния Ёритомо.

Более того, как показало наше изучение этого вопроса, в фольклоре полуострова Идзу образ Ёритомо в большинстве случаев как раз и реализуется в контексте историй о создании им объекта природного характера, реже – неприродного. При этом круг этих предметов и объектов ограничен и не выходит за рамки набора, представляющего в японском фольклоре традиционно сложившийся особый интерес. В этом наборе на первом месте стоят «горы» (холмы, скалы, утёсы, пещеры, камни), на втором – «водоёмы» (реки, пруды, болота, горячие источники, родники), а на третьем – деревья (сосны).

При этом совершенно очевидным и даже несколько нарочитым видится «наложение» образа Ёритомо на местные достопримечательности. Очевидно, что к локальным, зачастую топонимическим, преданиям «привязан» исторический аспект, из-за чего многие местные повествования стали связываться с деятельностью реального исторического лица, в данном случае Минамото-но Ёритомо, который действительно провёл в изгнании на Идзу долгие годы своей жизни. Такое «наслоение» добавляло локальным преданиям «достоверности», налицо была «ссылка на авторитет», что, как известно, является обязательным параметром при бытовании несказочной прозы, к которой относятся предания и легенды. Достоверность изложенных фактов подкреплялась многочисленными географо-топонимическими указаниями, что ещё больше «связывало» рассказ о необычном событии или происшествии с реальными топонимами Идзу и далее – с деяниями Ёритомо.

В результате можно говорить о том, что в повествовательном фольклоре Идзу самому Минамото-но Ёритомо или событиям, с ним связанным, приписывали создание большого количества камней или присвоения им «личного имени», создание водоёмов или приобретение ими особых черт, а также получение особого статуса некоторыми соснами.

При этом следует отметить, что предания типа «камень – Ёритомо», «водоём – Ёритомо» и «сосна – Ёритомо» различались не только по району бытования и тематике, но и по глубине «привлечения» самого образа Ёритомо.

Что касается преданий о камнях, связанных с его именем, то даже при учёте их определённого разнообразия все тексты можно разделить на две неравные группы. Тексты первой, меньшей по количеству преданий группы демонстрируют непосредственную связь с реальными историческими событиями и как бы напрямую связаны с противостоянием родов Тайра и Минамото. Лейтмотивом является страстное желание молодого Ёритомо разгромить род Тайра.

Примером такого предания может служить история о некоем камне, который местные жители прозвали *Кирииси* – «разрубленный камень». Рассказывают, что однажды Ёритомо с двумя воинами поднялся на вершину перевала недалеко от местечка Фунабара и обнаружил там огромный камень необычной продолговатой формы. Он спешился и приказал спутникам подождать его. Сам же наклонился над камнем и произнес: «Если смогу разрубить этот камень, род Минамото будет процветать и вернёт себе былое величие, не смогу разрубить – род Тайра будет процветать вечно». И едва он ударил мечом по камню, тот разломился на две части. Ёритомо засмеялся и в добром расположении духа отправился

далее [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 62–63]. Так камень стал предсказателем удачи для рода Минамото.

Попутно заметим, что в японском повествовательном фольклоре можно обнаружить и другие истории, в основе которых лежит предсказание победы рода Минамото над родом Тайра. Достаточно вспомнить, например, народное предание о детских годах младшего брата Ёритомо по отцу, великого полководца Минамото-но Ёсицунэ. Согласно этому преданию, ещё в детстве Ёсицунэ подружился с лесными демонами-*тэнгу*, которые помогли ему попасть в Страну Мрака, где Ёсицунэ смог встретиться со своим умершим отцом. Отец поведал сыну о скорой победе рода Минамото. Эта встреча воодушевила молодого воина, и он с тех пор считал, что предсказание отца обязательно сбудется [Садокова, 2001, с. 119]. Таким образом, история о разрубленном камне вполне вписывалась в концепцию «провиденчества», предопределения судьбы, свойственной не столько фольклору, сколько раннесредневековой литературе. И потому несколько отличалась от других преданий о камнях, связанных с Минамото-но Ёритомо.

Все другие предания о камнях, условно отнесённые нами ко второй группе, при кажущемся разнообразии однотипны – рассказ о том, что на этот камень ступала нога великого человека или его коня. Причём совершенно очевидно: при определённых обстоятельствах имя Ёритомо могло быть без ущерба для основной фабулы заменено на имя другого исторического лица. Даже в отличие от предания о разрубленном камне, здесь нет привязки к личности Ёритомо и событиям, с ним связанным. Например, в деревне Накамура (Западный Идзу) сохранился обычай приносить к одной из скал сандалии-*дзори*. Эту скалу называют *Ёритомо аси* (букв. «нога Ёритомо»). На этой небольшой скале заметна выемка. Считается, что это след ноги Ёритомо, который, скрываясь от врагов, с такой силой наступил на этот камень-скалу, что оставил свой след. Со временем скала стала местом поклонения, а приносимые сандалии – своего рода даром великому человеку [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 64]. Попутно заметим, что сандалии-*дзори* в Японии обычно приносят богам, например, богу Дзидзо, которые, как считается, помогают в лечении болезней ног. В данном случае отношения к Ёритомо как к целителю нами выявлено не было, однако это не означает, что такая функция ему на определённом этапе не приписывалась.

Несколько камней получили свои личные имена благодаря тому, что Ёритомо присел на них отдохнуть. Так, например, известен камень с именем *Косикакэ-иси*, что буквально означает «Камень-поясница», но понимается как «Камень-скамья». Местом его бывшего расположения считаются окрестности синтоистского храма Мисима-дзиндзя (преф. Сидзуока), куда Ёритомо тайно и только по ночам приходил помолиться о победе рода Минамото [Ёсимото, 2014, с. 49]. Но приходил он за годы своего изгнания часто и подолгу сидел на камне, отчего камень, как считают, и приобрёл совершенно плоскую форму, а затем и своё имя [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 61]. Попутно заметим, что и сам храм Мисима-дзиндзя тоже получил в преданиях о Ёритомо особый статус и часто упоминается в преданиях полуострова Идзу, хотя находится уже не на полуострове, а на острове Хонсю. Вероятно, это связано с реальным особым почитанием со стороны Ёритомо этого храма, который помог ему в столь трудные годы. Недаром после строительства Камакуры Ёритомо приказал построить на территории своего главного святилища Цуругаока Хатимангу и небольшой храм с названием Мисима-дзиндзя.

В японских народных преданиях запечатлелись и другие события из жизни Минамото-но Ёритомо, которые в свою очередь дали камням «личные имена». Так, известен камень *Убуки-иси* (букв. «Камень-пелёнка») – на нём развешивали пелёнки первенца Ёритомо, *Го-иси* («Камень для игры в шашки-го»), на котором Ёритомо любил играть в шашки, *Хатарису-иси* («Камень поднятого флага») – с этого камня Ёритомо приказал подавать сигналы приближающемуся подкреплению [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 63, 62, 64].

С «сидением» Минамото-но Ёритомо на камнях связаны на Идзу объяснения самых разных явлений. Так, например, на тракте Ито у реки Хиэгава находится огромный камень-валун (3×17 м), известный под именем *Ёритомо-иси* («Камень Ёритомо»). Вокруг этого камня растут дикие груши. Как гласит народное предание, Ёритомо любил гулять и отдыхать около этого огромного камня. Однажды он случайно на одежде принёс туда семечко дикой груши, которое проросло и дало обильное потомство, образовав небольшой грушевый сад. При этом одна груша неизменно растёт в расщелине камня [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 58].

Следует заметить, что предания подобного рода широко распространены во всех районах Японии. Появление каких-либо растений в данной местности приписывается деяниям разных исторических личностей, которые случайно кинули семя, воткнули в землю деревянные палочки для еды или привезённую издалека веточку дерева. С «сидением» же разных исторических лиц на камнях связывали в японской традиции и появление новых имён у этих камней. Предания о Ёритомо лишь одно, но показательное звено в этой длинной цепи. Так, у деревни Накаоми на середине дороги Оми лежал камень, который не раз упоминался и в других преданиях полуострова Идзу. Вероятно, он служил ориентиром, знаком и обозначал половину пройденного пути. Однако со временем он получил имя *Тэцубин-иси* («Камень-чайник») [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 58], благодаря тому, что однажды именно Ёритомо присел на него отдохнуть и захотел попить чаю. Вот тогда-то на камень и поставили котелок с горячей водой.

Однако помимо камней, связанных, согласно народным преданиям, с деяниями самого Ёритомо, на Идзу всегда почитались и камни, на которых остался след копыта его лошади. Именно поэтому в тех краях можно встретить немало камней разного размера и формы, которые называют *Адзумэ-иси* («Камень с копытом лошади») [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 60, 63]. Обычно на таких камнях явно или не очень видна выемка, напоминающая след от копыта. Её появление местный фольклор объясняет тем, что лошадь Ёритомо как-то особенно резко ступила на этот камень.

Интересно, что на полуострове Идзу реальному историческому лицу Минамото-но Ёритомо приписывают деяния, которые в японской фольклорной традиции обычно совершают божества и святые. Выше мы уже обращали внимание на обычай подносить камню «Нога Ёритомо» сандалии-*дзори*, как, например, богу Дзидзо в ипостаси целителя болезней ног. Можно привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что в фольклоре Идзу образ Ёритомо в определённой степени «обожествился», а сам герой стал наделяться сверхъестественными способностями.

В связи с этим показательное предание о каменных глыбах, а точнее о больших длинных камнях, которые как бы нагромождены друг на друга на горе Сирояма. Если верить народному преданию, когда-то Ёритомо решил построить на этой горе дом (или замок) и приказал принести на вершину большие бревна. Однако потом он, в силу неясных причин, отказался от этой идеи и решил спустить бревна вниз. Бревна столкнули, и они покатались

по склону. То ли залюбовавшись этим зрелищем, то ли изменив своё решение, Ёритомо громко приказал бревнам превратиться в камень. И едва он произнёс: «Обратитесь в камень!», они тут же окаменели. Именно поэтому, резюмирует предание, они и лежат на горе не вертикально, а горизонтально, будто их и вправду остановили, когда они катились вниз [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 57].

Здесь следует обратить внимание, что в японском фольклоре можно найти немало примеров преданий и сказок с этимологическим мотивом, когда результатом силы слова пытаются объяснить те или иные явления локальной культуры. Однако имеющие магическую силу слова, как правило, произносятся великими монахами или даже богами. Для Идзу, конечно, главным персонажем, который силой своей мысли и силой произнесённых слов мог заставить камни падать с горы, родники рождаться, а реки высыхать, был великий монах Кобо-дайси (Кукай). Знаменательно, что Минамото-но Ёритомо во многих своих деяниях, зафиксированных в народных преданиях этого края, практически «повторяет путь» Кобо-дайси, то есть демонстрирует те же удивительные способности, что и известный буддийский монах, обладавший, в народном сознании, способностью творить чудо.

Более того, если фольклорная связка «камень – Ёритомо» может рассматриваться как оригинальная и ассоциироваться именно с образом Ёритомо, то связка «водоём – Ёритомо» больше напоминает копию со связки «водоём – Кобо-дайси». Сюжеты практически идентичны. Великому монаху Кобо-дайси приписывают в фольклоре Идзу в основном два деяния: создание родников и горячих источников, которых на полуострове огромное количество, а также изменение русла рек или их свойств. При этом источники и родники Кобо-дайси «создавал», ударив посохом о землю, а реки укрощал (менял русло или осушал) при помощи слов, просто давая реке приказ не шуметь, уйти с поверхности земли или больше не нести свои воды здесь вовсе. Такие приказы он отдавал в основном после того, как встречался со злыми людьми, которые отказывали ему в простой просьбе – перевезти через реку или дать напиток.

Историй об «ушедшей» реке в цикле о Кобо-дайси достаточно много [Садокова, 2017, с. 484–487]. Все реки, которые когда-то были на указанном месте и исчезли в связи с деяниями Ко:бо:-дайси, получали название *Мидзунасигава* («Река без воды»). Этим, вероятно, объяснялась особенность некоторых рек, в том числе и японских, течь не только на поверхности земли, но и местами уходить под землю, чтобы вновь появиться на поверхности через какое-то расстояние.

Те же самые деяния и исполненные практически тем же способом содержатся и в преданиях о Минамото-но Ёритомо. Разница лишь в том, что Ко:бо:-дайси запрещал реке течь, а Ёритомо запрещал ей шуметь. Широко известна народная история о реке *Отонасигава* (букв. «Река без звука»). Рассказывают, что однажды Ёритомо охотился в горах Идзу на оленя. Загонщик, едва увидев оленя, погнался в сторону Ёритомо и закричал тому, что гонит оленя. Но Ёритомо, который стоял на другой стороне реки, из-за шума воды не услышал загонщика и потому упустил оленя. Раздосадованный, он в сердцах крикнул реке, чтобы та замолчала навсегда, и с силой воткнул свой лук в реку. Образовалась небольшая ямка, и речная вода быстро ушла в неё [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 64–65]. То есть Ёритомо, как и Ко:бо:-дайси, «осушил» часть реки.

Вослед Ко:бо:-дайси Ёритомо является и «создателем» нескольких источников и родников на Идзу. Однако сюжеты народных повествований несколько отличаются. В историях, связанных с чудесами Ко:бо:-дайси, всегда рассказывается о том, что великий монах создал источник ударом своего посоха о землю из великодушия и желания помочь людям, например, спасая людей от засухи или даруя воду путникам в жаркий день. Предания о Ёритомо повествуют в основном о том, что источник был создан потому, что Ёритомо проезжал в тех местах и сам захотел пить. Не желая слушать о том, что где-то поблизости есть вода, он и «создал» источник. Именно так, согласно народному преданию, в окрестностях г. Атами возник источник под названием *Иннайсуй* (букв. «Полный воды»). Ёритомо, не пожелав прислушаться к советам сопровождающих его соратников и доехать до сливовой роши, где можно было отдохнуть и испить воды, соскочил в коня и с силой ударил мечом по земле. Образовалась ямка, из которой тут же поднялся ввысь источник с чистой водой. Таким же образом, то есть ударом меча о скалу, он создал горячий источник *Кидати* (букв. «Установить дерево/столб») около водопада Сэко, а также источник *Биммидзу* (букв. «Вода для волос») у подножья горы Оомакуяма – Ёритомо в тот момент понадобилось помыть волосы. Однако, если верить преданиям полуострова Идзу, Ёритомо мог создать источник и при помощи любого другого предмета. Например, кистью для письма. Захотев пить, Ёритомо лишь слегка копнул кисточкой землю, как оттуда полилась чистая и свежая вода, отчего источник назвали *Судзури мидзу* («букв. «Вода из тушечницы») [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 59, 62, 64].

Что же касается преданий о соснах, связанных с именем Ёритомо, то их сравнительно немного [Идзу-но дэнсэцу, 2001, с. 52, 55, 61, 67]. Однако выбор дерева не вызывает сомнения – избранный образ сосны как дерева долголетия, смелости и благородства, должен был подчеркнуть важность и масштаб личности, совершающей свои славные деяния. При этом подробного описания этих деяний обнаружить практически не удаётся. Налицо лишь упоминания о том, что Ёритомо отдыхал под той или иной сосной или любовался какими-то соснами. Потому, в отличие от камней и водоёмов, «материализованные подтверждения» его славных дел за давностью времени практически не сохранились. Однако это не умоляет заслуг Ёритомо, и к связке «сосна – Ёритомо» хоть и относится всего несколько текстов, но и они вносят свой вклад в укрепление героической основы образа Ёритомо.

В целом можно констатировать, что несмотря на то, что фольклорный образ Минамото-но Ёритомо не получил в Японии повсеместного фольклорного распространения, он оказался хорошо разработанным на уровне локальной фольклорной традиции. Представляется, что подобная ситуация может наблюдаться и с другими историческими преданиями, в которых речь идёт об известных деятелях японской истории и культуры. «Привязанность» этих героев в силу разных причин (не всегда доказательно историческим) к тем или иным местам способствовало формированию фольклорного цикла, в котором реальный исторический персонаж стал совмещать в себе функции культурных героев, святых и даже богов народного пантеона. Цикл о Минамото-но Ёритомо, бытовавший на полуострове Идзу, может быть поставлен в один ряд с фольклорными циклами о красавице Оно-но Комати (преф. Киото и ряд префектур в районе Тохоку), о потомках рода Тайра (преф. Акита), о крупном историческом деятеле Тоётоми Хидэёси (Киото и район Канто) и некоторых других. Значение этих циклов трудно переоценить. В японском фольклоре просматривается некая закономерность: образы героев общенационального масштаба находят своё фольклорное

«воплощение» в локальных фольклорных циклах. И если не обнаружить эти циклы и не изучить их, может создаться впечатление, что фольклор на протяжении веков старательно игнорировал образы крупных исторических деятелей. А на самом деле ситуация иная: именно местная народная традиция копила и сохраняла сведения о них, став в результате бесценным культурологическим источником. Эти повествования выполняли важную функцию, потому что «работали» на воспитание гордости за свой край, который богат великими именами и событиями. Именно поэтому циклы наполнены топонимическими преданиями – так народная молва стремилась зафиксировать причастность «своего» района к великим свершениям.

Локальные предания полуострова Идзу, равно как и любого района Японии, – та часть фольклора, без учёта которой зачастую невозможно создать полное представление об образе того или иного исторического лица. Сохранение цикла народных преданий о Минамото-но Ёритомо, его продолжающееся «бытование» в топонимах полуострова Идзу – яркое тому подтверждение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Повесть о смуте годов Хэйдзи. Пер. с яп. Вячеслава Онищенко. С-Пб.: Гиперион, 2011. 287 с.

Садокова А.Р. Японский фольклор (в контексте мифолого-религиозных представлений). М.: ИМЛИ РАН, 2001. 256 с.

Садокова А.Р. Японские народные легенды о «чудодейственной воде» и «чудесах» воды // Молодой учёный. 2017. № 6. С. 484–487.

Ёсикава Юко. Кайсэцу : [Предисловие] // Идзу-но дэнсэцу : [Легенды Идзу]. Сидзуока: Хагоромо, 2001. С. 3–12.

Ёсимото Сёдзи. Нихон-но синва дэнсэцу-о аруку : [Прогулки по японским мифам и преданиям]. Токио: Бэнсэй, 2014. 491 с.

Идзу-но дэнсэцу : [Легенды Идзу]. Сидзуока: Хагоромо, 2001. 275 с.

Идзу-но минва : [Народные повествования Идзу] / сост. Киси Нами. Серия: Нихон-но минва : [Народные повествования Японии] в 100 т. Т. 4. Токио: Мирайся, 2015. 222 с.

Ооцу Юити. Минамото-но Ёритомо : [Минамото-но Ёритомо] // Нихон сэцува дэнсэцу дайджитэн: [Энциклопедия поучительных рассказов и преданий] / сост. Симура Кунихиро, Сува Харуо. Токио: Бэнсэй, 2000. С. 912–913.

Сакаи Коити. Ёритомо то Камакура : [Ёритомо и Камакура]. Токио: Ёсикава ко:бункан, 2016. 159 с.

Сасао Хироки. Босо-но Ёритомо дэнсэцу : [Предания полуострова Босо о Ёритомо]. Камакура: Токася, 2013. 162 с.

Тобаяма Кан. Идзу Хаконэ сива то дэнсэцу : [Исторические рассказы и предания Идзу и Хаконэ]. Сидзуока: Мацуо сётэн, 1970. 662 с.

REFERENCES

Izu no densetsu (2001). [Legends of Izu], Shizuoka: Hagoromo. (In Japanese).

Izu no minwa (2015). [Folk Tales of Izu], compiled by Kishi, Nami, series: Nihon no minwa [Folk Narratives of Japan], in 100 volumes, Vol. 4, Tōkyō: Miraisha. (In Japanese).

Ootsu, Yūchi (2000). Minamoto-no Yoritomo [Minamoto-no Yoritomo], in *Nihon setsuwa densetsu daijiten* [Encyclopedia of Cautionary Tales and Legends], compiled by Shimura, Kunihiro; Suwa, Haruo, Tōkyō: Bensei: 912–913. (In Japanese).

Povest' o smute godov Heiji (2011). [The Tale of Heiji], translated from Japanese by Vyacheslav Onishchenko, Saint Petersburg: Hyperion. (In Russian).

Sadokova, A.R. (2001). Yaponskiy fol'klor (v kontekste mifologo-religioznykh predstavleniy) [Japanese Folklore (in the context of mythological and religious conceptions)], Moscow: IMLI RAN. (In Russian).

Sadokova, A.R. (2017). Yaponskiye narodnyye legendy o “chudodeystvennoy vode” i “chudesakh” vody [Japanese Folk Legends about “Miraculous Water” and “Miracles” of Water], *Molodoy uchenyi*, 6: 484–487. (In Russian).

Sakai, Kōichi (2016). Yoritomo to Kamakura [Yoritomo and Kamakura], Tōkyō: Yoshikawa Kōbunkan. (In Japanese).

Sasao, Hiroki (2013). Bōsō no Yoritomo densetsu [Legends of the Bōsō Peninsula about Yoritomo], Kamakura: To:kasha. (In Japanese).

Tobayama, Kan (1970). Izu Hakone shiwa to densetsu [Historical Stories and Legends of Izu and Hakone], Shizuoka: Matsuo Shōten. (In Japanese).

Yoshikawa, Yūko (2001). Kaisetsu [Introduction], in *Izu no densetsu* [Legends of Izu], Shizuoka: Hagoromo: 3–12. (In Japanese).

Yoshimoto, Shōji (2014). Nihon no shinwa densetsu o aruku [Walks through Japanese Myths and Legends], Tōkyō: Bensei. (In Japanese).

Поступила в редакцию 06.04.2019

Received 6 April 2019

Для цитирования: Садокова А.Р. Локальные предания о Минамото-но Ёритомо в системе японской фольклорной прозы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 49–61. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020

For citation: Sadokova A.R. (2019). Lokal'nyye predaniya o Minamoto-no Yoritomo v sisteme yaponskoy fol'klornoy prozy [Local legends about Minamoto-no Yoritomo in the system of Japanese folk tales], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 3: 49–61. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020